

спокойный. Но иногда среди этой нервической и безпокойной суетни какой-то ужасъ посѣщаль ее и мутная мгла водарялась въ ея разсудкѣ. Тогда она плакала по цѣлымъ часамъ и ломала свои руки.

Но день ото дня эти посѣщенія становились рѣже. Тутолминъ не появлялся (онъ цѣлыми днями пропадалъ въ селѣ и въ деревняхъ окрестности). Тѣ впечатлѣнія, которыя могли бы пробудить въ ней «прежнюю Варю», она осторожно хотя и безсознательно обходила. Такъ въ семьѣ, гдѣ недавно похоронили покойника, невольно понижаютъ голосъ. И мысли, поднятыя въ ней разговорами Ильи Петровича и его книгами, расплывались въ безпорядкѣ, уступали мѣсто тупой и равнодушной апатіи, западали куда-то въ глубь...

Зато она стала находить какое-то безотчетное удовольствіе въ обществѣ Петра Лукьяныча. Его самоувѣренная рѣчь, пересыпанная характерными словечками, его заунывные русскія пѣсни и романсы, захватывающіе душу, его молодечество и самообладаніе,—при самыхъ рискованныхъ положеніяхъ, положеніяхъ, во время которыхъ Мишель только куксился и расплывался въ мечтательномъ резонерствѣ,—какъ-то странно тѣшили ее. Онъ напоминалъ ей богатыря народныхъ былинъ, когда на лихомъ скакунѣ гарцовалъ по двору или, съ обычной своей усмѣшкой, неожиданно отстранялъ пахаря гдѣ-нибудь въ полѣ, и весело покрикивая: «возлѣ! возлѣ!» разваливалъ сохой глубокую борозду. Она часто ѣздила съ нимъ вмѣстѣ, и верхомъ, и въ шарабанѣ, и на лодкѣ, съ которой тянулась тогда безконечнымъ стономъ русская пѣсня. Какая-то опора чудилась Варѣ въ его крѣпкой и осанистой фигурѣ, и его твердый и рѣшительный голосъ чрезвычайно благотѣльно дѣйствовалъ на ея нервы.

Приближался день рожденія Вари—27 іюля. Еще задолго до этого дня, длинные реестры полетѣли къ Елисеѣву и Раулю. Madame Бриссакъ обезпокоена была заказомъ. Изъ Воронежа выписали музыку и фейерверкъ. Ближнимъ и дальнимъ сосѣдямъ разослали приглашенія. Алексѣй Борисовичъ на цѣлые часы заперся въ кабинетъ и чертилъ рисунки фонарей и трапспарантовъ. Прислуга сутилась и чистилась. Захаръ Ивановичъ и тотъ принужденъ былъ оторваться отъ жнитва пшеницы, и съѣздить въ Воронежъ, гдѣ взялъ у Безрукова три тысячи рублей до продажи хлѣба. Онъ, впрочемъ, все-таки упорно не показывался въ